

Елена Леонидовна Сузрюкова

кандидат филологических наук, доцент гуманитарной кафедры Новосибирской православной духовной семинарии

«МЫСЛЬ СЕМЕЙНАЯ» В ЦИКЛАХ В.А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО» И «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА»

Аннотация. В статье анализируется тема семьи, а также сопряженные с ней идеи, образы, мотивы и сюжетные особенности, представленные в циклах рассказов В.А. Никифорова-Волгина «Детство» и «Из воспоминаний детства». В центре изображения произведений — семья мальчика Васи, выступающего в роли рассказчика. Это православная семья, которая посещает богослужения и участвует в Таинствах Церкви, оказывает милосердие ближним. Вася только входит в церковную жизнь, функцию духовного наставника в циклах берет на себя его мать. Семья в данных циклах рассказов — малая Церковь, где молятся, постятся, готовятся к церковным праздникам. Духовные искушения, с которыми сталкиваются члены этой семьи, преодолеваются.

Ключевые слова: В.А. Никифоров-Волгин, цикл рассказов, семья, образ матери, православие.

Как пишет Н.Г. Комар, «мысль семейная» является одной из главных в русской литературе» [2, с. 115]. Отчетливо она выражена в романах С.Т. Аксакова, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Шмелева и многих других авторов. Е.Н. Строганова отмечает, что «<...> в литературе XIX в. немного найдется произведений, где не затрагивалась бы проблема брака и семьи <...>» [8, с. 13]. Поэтому изображение семьи в циклах В.А. Никифорова-Волгина встраивается в традиционную для русской литературы культурную парадигму.

Положительный образ семьи представлен, к примеру, в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Н.Г. Комар отмечает, что здесь «автор приблизился к изображению христианского идеала семейной жизни» [3, с. 38]. Более религиозной в этом произведении исследователь считает семью Мироновых, нежели Гриневых. Так, наказ отца Маши Мироновой — капитана Ивана Кузьмича — «Молись Богу: Он тебя не оставит» [7, с. 42] — «более духовный, высокий, чем наказ отца Гринёва, а следовательно, более жизненный» [3, с. 40].

Духовное воспитание в семье в циклах В.А. Никифорова-Волгина о детстве получает мальчик Вася — персонаж, в котором угадываются автобиографические черты самого писателя. Заметим, что роль духовного наставника играет здесь мать героя. Цикл «Детство» открывается рассказом «Великий пост», в начале его читаем: «Мать послала меня в церковь “к часам” и сказала с тихой строгостью: “Пост да молитва небо отворяют!”» [6, с. 3]. В третьем рассказе цикла «Исповедь» наставления перед тем, как Вася отправится в храм, дают уже и отец, и мать, но материнское напутствие вновь открывает текст: «Ну, Господь тебя простит, сынок... Иди с молитвой. Да смотри, поуставнее держи себя в церкви. На колокольню не лазай, а то пальто измызгаешь. Помни, что за шитье-то три целковых плочено, — напутствовала меня мать к исповеди». [6, с. 14]. Мать вновь говорит о необходимости молитвы, а также о благоговейном поведении в церкви. Советы отца в большей степени регламентируют внешнее поведение мальчика, но завершаются словами «батюшке отвечай по совести!» [6, с.15]. Непосредственно перед уходом Вася выражает почтение к родителям: «Перед уходом из дома поклонился родителям в ноги и сказал:

— Простите меня, Христа ради!» [6, с. 15]. Мотив почитания родителей и просьба о прощении повторяется в других рассказах цикла «Детство» («Великий Пост», «Светлая Заутреня») и, с аксиологической точки зрения, выступает здесь в качестве нормы, необходимой для духовного роста личности.

Рассказ «Причащение», повествующий о событиях в жизни Васи в Великий Четверг, снова открывается разговором матери с мальчиком. Это уже более пространственный диалог, чем в предшествующих текстах, в котором обнаруживается, что деревня с ее обычаями является ценностью для матери главного героя цикла. Вместе с тем очевидным становится ценностное расхождение традиций, важных для семьи Васи, и традиций, которым следуют их городские соседи: «Лавочных красок в нарядных коробках мать не признавала.

— Это не по-деревенски,— говорила она,— не по нашему обычаю!

— А как же у Григорьевых,— спросишь ее,— или у Лютовых? Красятся они [пасхальный яйца] у них в самый разный цвет, и такие приглядные, что не нагладишься!

— Григорьевы и Лютовы — люди городские, а мы из деревни! А в деревне, сам знаешь, обычаи от самого Христа идут...» [6, с. 21-22].

В пятом, седьмом и девятом рассказах цикла мать вновь выступает в роли духовного наставника героя. Она обнаруживает понимание сути церковных праздников, торопит мальчика в храм на службу, хорошо ориентируется в церковном календаре. Так, говоря о празднике Святой Троицы, мать объясняет сыну, чья память празднуется в этот день: «Накануне праздника мать сказала:

— Завтра земля именинница!

— А почему именинница?

— А потому, сынок, что завтра Троицын день сойдется со святым Симоном Зилотом, а на Симона Зилота — земля именинница: по всей Руси мужики не пашут!» [6, с. 52]. Память апостола Симона Зилота приходится по старому стилю на 10 мая. Поскольку детство автора проходило до революции, мы рассматриваем именно старый стиль. Совпадение Святой Пятидесятницы и памяти этого святого случилось в 1915-ом году [4, с. 357] — это и есть время действия, о котором идет речь в цикле. Самому писателю тогда исполнилось уже 14 лет, а Вася в цикле младше. Он еще только начинает постигать православное богослужение, а поскольку растет в верующей семье, к 14-ти годам он уже многое знал бы.

В этом же рассказе очевидна для читателя бедность Васиной семьи. Есть эпизод, когда мальчик разговаривает с матерью ранним утром перед обедней, еще находясь дома: «Я деловито спросил ее [мать]:

— С чем пироги?

— С рисом.

— А еще с чем?

— С брусничным вареньем.

— А еще с чем?

— Ни с чем.

— Маловато,— нахмурился я,— а вот Гришка мне сказывал, что у них сегодня шесть пирогов и три коровая!

— За ними не гонись, сынок... Они богатые» [6, с. 56-57]. Главным богатством семьи Васи является вера и следование ее заветам. Бытовой разговор, к которому мы здесь обратились, завершается духовным наставлением матери сыну: «Помолись лучше Богу и иди к обедне» [6, с.57].

Фигура Васиного отца не так рельефно очерчена в произведении, как образ матери. Из третьего рассказа цикла мы узнаем, что он сапожник: «Дома лежу в постели, покрытый бараньей шубой, и сквозь прозрачный тонкий сон слышу, как отец тачает сапог и тихо, с переливами, по-старинному, напевает: «Волною морскою, скрывшего древле» [6, с. 20]. В восьмом рассказе — «Светлая заутреня» — отец делится с сыном воспоминаниями о Пасхах, которые он встречал прежде в Москве и в монастыре, расположенном глубоко в лесу. Интересно, что поток воспоминаний отца прерывает мать героя: «Хватит вам вечать-то,— перебила нас мать,— высыпались бы лучше, а то будете стоять на заутрене сонюгами!» [6, с. 45]. После этого разговор заканчивается. В этом эпизоде видно, что слово матери весомо в семье, она заботится о благочестии. Но более очевидным расхождение взглядов матери и отца героя оказывается уже во втором цикле о детстве, в рассказе «Святое Святых». Мать дает такое наставление Васе: «Будь к людям приглядчив. Душу его береги. Сострадай человеку и умей находить в нем пшеницу среди сорной травы» [5, с. 106]. В этих словах, содержащих аллюзию на евангельскую притчу о пшенице и плевелах, чувствуется любовь к человеку. Что же отвечает на это отец героя? А вот что: «Держи карман шире! — проворчал отец, засучивая щетину в дратву. — Как я там к людям ни приглядывался, ни сострадал им, ни уступал, а они все же ко мне по-волчьи относились. Ты, смиренница, оглянулась бы хоть раз на людей. Кто больше всего страдает? Простые сердцем, тихие, уступчивые, заповеди Господни соблюдающие. Не портила бы ты лучше мальчика! Из него умного волчонка воспитать надо, а не Христова крестника!» [5, с. 106]. Здесь ясно, что духовно отец слабее в этой семье, чем мать. По сути, отец идет тут против православной веры. Последнее слово остается в этом разговоре за матерью. Она вначале объясняет ему духовную поддержку таких суждений, а затем наставляет и сына, чтобы уберечь его от соблазна: «Мать так и вскинулась на отца.

— Ты бы лучше оглянулся и узнал: кто стоит за твоей спиной?

Отец вздрогнул.

— Кто?

— Да тот, кто искушал Христа в пустыне! Не говори непутевые слова. Они не твои. Не огорчай ангела своего. Сам же, когда выпьешь, горькими тезами перед иконами заливаешься. Не вводи ты нас в искушение. А ты, — обратилась она ко мне, — не всякому слуху верь. У отца это бывает. Жизнь у него тяжелая была, ну и возропщет порою. А сам-то он по-другому думает! Последнее с себя сымет и нищему отдаст. В словах человека разбираться надо; что от души идет, и что от крови!» [5, с. 106]. Мать и отца приводит в должное духовное состояние (мы видим, что он живо реагирует на ее слова), при этом не осуждая его, и сына научает духовному рассуждению, указывая на расхождение слов отца с его делами. Из других рассказов нам известно, что родители Васи вместе посещают богослужения и дорожат своей верой. В данном же эпизоде ситуация искушения оказывается преодоленной благодаря именно матери.

О матери Васи мы узнаем также из текста, что она рукодельница (рассказ «Причащение»): «<...> На мою рубашку все смотрели, и какая-то барыня сказала другой:

— Чудесная русская вышивка!

Я был счастлив за свою мать, которая вышила мне такую ненаглядную рубашку» [6, с.25].

В целом же, образы родителей в циклах обобщенные: имена их, а тем более фамилии, ни разу не звучат в тексте. В реальности же родителей писателя звали Ирина Григорьевна и Иоаким Никифорович Никифоровы [1, с.421]. Им писатель посвятил свою книгу.

В цикле рассказов «Детство» семейная тема в новом ключе появляется в двух рассказах, действие которых протекает во время Страстной седмицы: «Двенадцать Евангелий» и «Плащаница». Эти два рассказа помещены в самом центре цикла, состоящем из десяти текстов, по счету это пятый и шестой рассказы. Здесь есть образы страдающего Господа и Его Пречистой Матери. Возникают они прежде всего в размышлениях Васи. И если в пятом рассказе цикла в общем ряду событий, о которых думает Вася, появляется и такое: «<...> как <...> распинали и как Он прощался с Матерью» [6, с. 31], — то в шестом рассказе — «Плащаница» — разворачивается более подробная картина. «В церкви стояла гробница Господа, украшенная цветами. По левую сторону от нее поставлена большая старая икона «Плач Богородицы». Мать Божия будет смотреть, как погребают Ее Сына, и плакать... / а Он будет утешать Ее словами: «Не рыдай Мене, Мати, зрящи во гробе... Возстану-бо и прославлюся...» [6, с. 33]. В сознании ребенка проясняется литургический смысл событий последних дней Страстной седмицы, и помогают ему в этом и плащаница с иконой, и гимнографический текст, в котором Вася выделяет самое главное. В то же время на первый план в представленной здесь картине выступают образы Сына и Матери. Их взаимная любовь, утешение, забота друг о друге свидетельствуют о норме отношений в семье. На сюжет цикла проектируется такое взаимоотношение между сыном и матерью. В сюжете о матери Васи и ее сыне — рассказчике — больше заботы проявляет пока именно мать, но в перспективе сын должен «дорости» до нормы, обозначенной в рассмотренных нами фрагментах цикла.

Состав семьи Васи подробно не показан. В цикле «Детство» лишь упоминается о том, что у Васи есть сестренка, но читатель так ни разу ее и не видит в тексте. Во втором цикле есть рассказ, посвященный маленькому братику Васи, — рассказ «Иванушка». Шестилетний братик главного героя тяжело болеет и в конце концов переходит в мир иной. Столкнувшись со смертью, Вася не только жалеет братика, но и раскаивается в своем недобром поведении по отношению к Иванушке: «<...> Стал я вспоминать нашу с Иванушкой жизнь. Все в ней как будто бы хорошо было, но вот однажды попросил он у меня волчка, а я пожадничал и не дал ему... Стало мне очень горько. Тут впервые в жизни я понял, что за муки страшные — угрызение совести!..» [5, с.78-79]. Раскаяние свое Вася подтверждает делом: «Я незаметно положил под изголовье Иванушки волчка и тихо сказал:

— Ты прости меня... я не знал, что ты помрешь...» [5, с.79].

Скорбь о почившем смягчается в тексте тем, что событие это произошло на Пасху: «Отпедали Иванушку по-особенному, по пасхальному чину, радостно, в белых ризах, с пасхальной серебряной свечой. Отправляли братца в дорогу с сердцем легким и мирным, без нахмуренной скорби. Читали и пели хорошие легкие слова и часто-часто повторяли:

— Господи, упокой младенца!» [5, с. 79]. «<...> А когда выносили гробик из церкви, то над всем городом трезвонили пасхальные колокола, все снимали шапки, встречные офицеры и даже городовые отдавали Иванушке честь.

Я подумал: «Хорошо бы и мне помереть!»

Когда опускали Иванушку в яму и так крепко, словно деревенским ржавым хлебом, запахло землей, освещенной пасхальным солнцем, я пожалел Иванушку:

— Пожил бы ты еще, милый братец!» [5, с. 80].

В данном фрагменте грустная тональность не доминирует, она просветляется, не означает безнадежности, что подтверждают и размышления Васи: «Я представлял себе, как Господь водит Иванушку по небесным дорогам. Он говорит Иванушке так же, поди, воркотно и светло, как соборный батюшка отец Владимир: «Вот и хорошо, родненький, что ко Мне пришел!.. Так, так, Иванушка... Ты уж того... побегай, поиграй!.. Радуйся в саду Моем во веки веков...». / Говорит ему Господь... и по головке гладит Иванушку, и благословляет его пронзенными распятием руками, а Иванушка к белой одежде Господа головкой прижимается...» [5, с. 78]. Такие мысли могли родиться только в православной семье, и здесь вера, помимо всего прочего, выступает как сила, способная противостоять любым беде и несчастью.

Итак, основными событиями в жизни Васиной семьи в обоих циклах являются, прежде всего, православные праздники и участие в Святых Таинствах Церкви. В цикле «Из воспоминаний детства» включен рассказ, посвященный смерти ребенка в этой семье, что также сопровождается церковной службой. Вера смягчает трагизм такого события.

Семья, о которой идет речь в циклах, хотя и бедна, но оказывает участие обездоленным, принимает благочестивого нищего старичка Якова, с которым часто беседует Вася. Семья не вполне патриархальная, поскольку духовным наставником для всех членов семьи в цикле выступает не отец семейства, но мать. Она продолжает хранить традиции семьи, в которой выросла (как узнаем из рассказа «Двенадцать Евангелий», у Васи была верующая бабушка).

Наконец, в цикле «Из воспоминаний детства» появляется история еще одного семейства — Коромысловых. Отдельный текст посвящен сыну Ильи Коромыслова — это рассказ «Юродивый Глебушка». В тексте представлен мотив угасания рода за тяжкие грехи (убийства, пьянство, «дикое озорство» [5, с.112]). Однако последний представитель этого рода — Глебушка — ведет образ жизни нищего, отмаливает грехи предков, выполняя волю родителя: «На меня тятенька заклятье наложил: «Молись, говорит, за род наш! Ты, говорит, блаженный, в обнимку с Христом ходишь!» [5, с. 116].

Таким образом, в двух циклах о детстве В.А. Никифорова-Волгина в центре изображения находится семья рассказчика, ведущая благочестивый образ жизни. В рассказе «Причастие», к примеру, упоминается о том, что вся эта семья причащалась в один день. Семья Васи хранит древние обычаи благочестивых предков, дом ее — малая церковь. Роль духовного наставника выполняет в семье мать, потому семья не является все же патриархальной. Есть в циклах примеры жизни других семей, но более благочестивой, чем семья Васи, среди них нет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Исаков С.Г. Никифоров-Волгин В.А. / Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918 — 1940. Т.3. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 421-422.

2. Комар Н.Г. Проблема семьи в поэме М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» / Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Казань, 2015. Т.157. №2. С. 115-123.
3. Комар Н.Г. Семейные ценности в романе А.С. Пушкина «Капитанская дочка» / Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Ярославль, 2015. № 1 (84). С. 38-41.
4. Молитвы и песнопения православного молитвослова. М.: Донской Монастырь при участии Русского Духовного Центра, 1994, 368 с.
5. Никифоров-Волгин В.А. Дорожный посох и другие рассказы. М.: Издательство «Новое Небо», 2018, 174 с.
6. Никифоров-Волгин В.А. Земля-имениница. М.: Ставро, 2004. 224с.
7. Пушкин А. С. Капитанская дочка. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1984, 319 с.
8. Строганова Е.Н. «Мысль семейная» в русской литературе XIX века. Из опыта семинарских занятий / «Мысль семейная» в русской литературе: Сб. ст. и материалов. Тверь: Марина, 2008. С. 11–22.